

Т. И. ШАМЯКИНА,
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР (МИНСК)

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ С ПОЗИЦИЙ ФИЛОЛОГА

Вопросы преподавания филологических дисциплин ставятся в контекст более широких проблем образования в Беларуси (недостатки тестирования, компьютеризация, узкая сфера употребления белорусского языка и др.), а также указывается на необходимость более широкой гласности в сфере образования, научной аргументированности всех преобразований, важности привлечения к принятию решений специалистов-практиков – преподавателей.

Ключевые слова: образование; филология; литературоведение; тестирование; компьютеризация; белорусская литература и культура; белорусский язык; история и теория мировой культуры; вузовский компонент; заочное обучение.

The issues of teaching philological disciplines are viewed in the context of broader problems of education in Belarus (disadvantages of testing, computerization, narrow scope of the Belarusian language application etc.). The need for a wider publicity of the activities of education functionaries, scientific argumentation of all transformations and importance of involving teachers as practitioners into the process of decision-making are also pointed out.

Key words: education; philology; study of literature; testing; computerization; Belarusian literature and culture; Belarusian language; history and theory of world culture; a higher school component; part-time learning.

Обычно статью начинают с теоретических рассуждений, а затем следуют примеры. Позволю себе в данном случае идти от жизни, а не от теории.

Молодежь у нас, безусловно, разная и в основном хорошая. Но даже эта хорошая молодежь историю не знает совершенно. Молодые историей не интересуются, ведь она не нужна, как они считают, в будущей практической деятельности. А, кроме того, в среде молодых нет ощущения самооценности знаний, поскольку в обществе не выработаны стимулы к их приобретению. Нет понимания, что азы образования – не только базовые знания, но и умение размышлять, развитые навыки памяти, концентрации внимания, логического мышления, самостоятельной систематизации информации, сопоставления фактов. Кто не владеет этими навыками, тот никакого учебного предмета усвоить не может.

Показателен эксперимент, проведенный мною в 2013 г. по дисциплине «Психология литературного творчества» на 3-м курсе филологического факультета. По теме «Наблюдательность и память» было дано задание посмотреть (по собственному выбору студентов) несколько советских фильмов и дать им оценку с точки зрения человеческих взаимоотношений, антуража, моды и т. д. (Навык анализа кинопроизведений помогает легче переходить к анализу литературных произведений.) Причем студентам предлагалось смотреть фильмы по телевизору, так как важно было собственное, никем не подправленное мнение молодых. Что оказалось?

А. Абсолютно все (а это около 100 чел.) смотрели фильмы в интернете, так как там можно найти и какие-то материалы о том или ином фильме, его режиссере, актерах, т. е. никто не понадеялся на собственное впечатление. Всем оказались нужны подсказки, «подпорки» в виде интернетовских сведений, а они, сохраняя видимость объективности, идеологически специфичны, часто предвзяты, ложны и при этом не сообщают о художественных достоинствах фильмов. Поэтому неудивительно было услышать, что какой-нибудь «Старик Хоттабыч» или «Доживем до понедельника» насквозь пронизаны советской тоталитарной идеологией. Вообще в рассказе о фильмах студенты старались обращать внимание именно на те моменты, которые разоблачают советское прошлое, даже если это явно притянато за уши, – так их приучили. По моему заданию требовалось анализировать среду, атмосферу времени и человеческие взаимоотношения, а студенты сосредоточились на идеологии, т. е. многие третьекурсники задание выполнить просто не смогли. И как же они будут жить дальше, как сами смогут строить взаимоотношения с людьми?

Слушаешь молодых и поражаешься: это же настоящая социальная шизофрения! А ведь именно мои коллеги-педагоги подобную дичь внушают детям. Когда же я задавала вопросы о конкретных исторических фактах, реалиях, датах, студенты тут же

становились в тупик. Для них что сталинский период, что хрущевский, что брежневский – все едино. Нужно сказать, что на 4-х и 5-х курсах есть какие-то представления об основных событиях эпохи: студенты уже познакомились с произведениями советской литературы. Однако поскольку нет опорных исторических знаний, единой связующей линии, смыслового стержня, то в сознании молодых людей все равно царит хаос и сплошные социально-политические мифы.

Б. Сам выбор фильмов для просмотра показателен. В подавляющем большинстве случаев брали те, которые и до моего задания были известны, во всяком случае, на слуху, а это комедии Л. Гайдая и Э. Рязанова или мелодрамы типа «Москва слезам не верит» и «Любовь и голуби». Парни сосредоточились на фантастике, но тоже в очень ограниченном диапазоне («Сталкер», «Кин-дза-дза»). Только один человек посмотрел «В бой идут одни старики». Война детей не интересует, если это не что-то скандальное.

В. Ради справедливости следует отметить, что некоторые студенты советовались с родителями, интересовались, какие у них любимые советские фильмы (этот факт родительского авторитета уже радует). В результате девочки, к моему удивлению, посмотрели «Подкидыш», «Весну на Заречной улице», «Девчата». Фильмы им настолько понравились, а главное, удивили (чего я и добивалась), что они распечатали отдельные кадры и принесли мне показать. Именно эти студенты очень благодарили за данное домашнее задание. (К слову, в этом году я уже предлагаю довольно большой список кинофильмов с указанием жанра и времени их выхода. Посмотрим, что выберут из предложенного. Повторяю: это эксперимент.)

Г. До моего задания советские фильмы смотрели, хотя и в очень небольшом количестве, дети из обычных трудовых, даже бедных семей, каких у нас на факультете большинство. Однако есть и «продвинутые», свысока посматривающие на деревенщину, считающие себя элитой, очень модными, современными. Они вообще советские фильмы никогда не смотрели и не смотрят, даже такие культовые, как, например, «Покровские ворота». Именно они безапелляционно заявляют, что в советское время все ходили в одинаковой одежде, причем на государственном уровне не допускалось ничего яркого; население поголовно и на протяжении всей советской эпохи голодало; и вообще, советское искусство – сплошная пропаганда. От таких студентов уже по другой дисциплине – «История и теория мировой культуры» – можно услышать ответ типа: «Кремлевская стена потому красная, что ее большевики покармали, так как им была ненавистна белокаменная Москва».

Вот уровень знаний по истории и культуре. Однако удивляться не приходится. За примерно четверть века чтения мною курса «История и теория мировой культуры» он принудительно сократился в четыре раза, и сейчас количество лекционных часов – 20, хотя я могу прочесть и 200. А дисциплина «Мировая художественная культура», короткое время существовавшая в школе, уже с десяток лет как упразднена.

Я привела всего один штрих реального положения вещей на очень ограниченном, но показательном пространии – знании студентами (лучшей частью молодежи) истории культуры (советского кино), а это одновременно и их представление о духе, атмосфере, реалиях почти всего XX в. Опрос показал патологическую зараженность молодежи лживой идеологией, направленной на фальсификацию истории; социально-историческими мифами, языковыми штампами; полное отсутствие знаний о сложности и противоречивости той или иной эпохи; абсолютное неумение мыслить диалектически. На первых курсах студенты не могут обосновать свое мнение, привести примеры, зато вместо аргументов оперируют идеологическими мифами. Самостоятельное мышление отсутствует, не выработана способность совершать логические операции, а значит, студенты не в состоянии работать с информацией.

В наши дни *ни в одной профессии не востребован человек, не способный работать с информацией*. В гуманитарных специальностях – особенно. Такое образование бесполезно, просто выброшенные государственные деньги.

Вообще, проблемы в образовании все настолько *наболевшие*, что даже сложно отдать предпочтение какой-то одной. Все же постараюсь их ранжировать.

1. Наиболее бросается в глаза и отмечается всеми педагогами высшей школы очень слабая школьная подготовка поступивших в вузы студентов, о чем я и говорила выше. Все чаще в нашей среде звучит страшное слово «дебилизация». Дети не обладают концентрированным вниманием, наблюдательностью, памятью, достаточным словарным запасом; они не умеют рассуждать, так как не читают книг; у них отсутствует любознательность, постижение знаний для большинства лишь докуча. Незнание студентами того элементарного, что должно сохраняться в памяти каждого взрослого

человека, просто повергает в шок. Причем феноменальное невежество касается не только литературы, истории, искусства, но и географии, физики, биологии и многого другого. Безусловно, это *общемировая проблема*: при наличии самого широкого доступа к знаниям благодаря интернету все меньше этих знаний собственно в головах молодежи, а значит, отсутствует сопряженность знаний с нравственностью. Интернет, без которого ни школьники, ни студенты жить уже не могут, «подсаживает» молодежь на поток информации, не требующей глубокого в нее погружения и анализа. Это вызов нам, педагогам, методистам. Пока мы на этот вызов ответить не можем.

Здесь нельзя не сказать и о неоднозначном влиянии *тестирования* на общую подготовку школьников. На тесты для поступления в вузы ориентируются учителя, «натаскивая» своих учеников, и это разрушает систему – именно систему – постижения знаний в школе. Привычка отвечать на вопросы, тыкая пальцами в клавиши, приводит к тому, что к нам приходят молодые люди, буквально не умеющие говорить – высказать какую-то связную мысль для них невозможно, в лучшем случае – «да», «нет». Тесты полюбились детям, а значит, и их родителям, поскольку ученикам не нужно самим строить познавательную ситуацию, не требуется обосновывать свои мысли. Формируется механическое, принципиально нетворческое, так называемое конвергентное, т. е. нацеленное на поиск одного ответа, мышление. В то время как отечественная традиция образования и воспитания всегда была рассчитана на формирование способности вести многовариантный поиск, который обеспечивается *дивергентным* типом мышления. Если мы хотим технических открытий и развития высоких технологий, то именно разные варианты решения той или иной задачи и нужно культивировать.

Тестирование помогает выявить объем механической памяти, а традиционный экзамен, особенно сочинение, – умение творчески мыслить. Кроме того, навык написания сочинений тренирует ассоциативную память, умение аргументировать свои мысли, расширяет словарный запас.

Относительно проверки знаний через тестирование кандидат философских наук Александра Кутырёва пишет: «Насаждение тестов идет повсеместно, ибо тестирование является условием компьютеризации и электронизации образования, к которым как раз подошел технический прогресс. А компьютеры, даже самые совершенные, понимают только однозначные решения. И если оспаривать ЕГЭ и тестирование, то надо оспаривать необходимость всеобщей, повальной механизации – компьютеризации образования, которое в пределе стремится быть автоматическим, исключая из образования живого человека вообще, что уже и происходит. Педагог – вымирающая профессия!»¹

Думающие педагоги выступают против сплошной компьютеризации в образовании. Доктор филологических наук Ирина Минералова отмечает: «Интенсивная поддержка компьютеризации образования, развернувшаяся в последние 5–7 лет, гипнотизирует и в целом крайне негативно воздействует на всю систему образования, формируя не столько подлинные, сколько мнимые приоритеты. Оговоримся сразу, что я не принадлежу к числу людей, которые в новых технологиях усматривают зло и предлагают с ними бороться, напротив, работая и в школе, и в вузе, я настаиваю на том, чтобы во всем, в том числе и в использовании информационных компьютерных технологий (ИТК), соблюдался золотой принцип *разумности и достаточности*. Закономерный вопрос: где заканчивается разумность и начинается ИКТ-безумство, во-первых, кто и как определяет «меру», во-вторых? Вот тут и педагог-практик, и ученый-методист должны руководствоваться единственно *целесообразностью*, поскольку и в методике, и в технологиях все определяется ею»². И далее: «Исследования, проводимые учеными в ведущих компьютеризированных вузах страны, свидетельствуют, что никакой значительной подвижки в освоении предмета с применением ИКТ нет»³.

Я должна приведенный выше тезис с прискорбием подтвердить, основываясь на собственном опыте. Я чрезвычайно широко использую так называемые презентации на лекциях, что требует от меня очень основательной подготовки, однако значительного улучшения знаний студентов по сравнению с теми временами, когда я показывала просто художественные альбомы, не наблюдаю. Может быть, потому, что раньше было время на возвращение к пройденному материалу, закрепление его.

Вот почему появились в последнее время противники компьютеризации в образовании. Например, российский публицист Олег Верещагин с гневом констатирует: «Есть вещи, быстрое овладение которыми со стороны детей должно вызывать у взрослых не восторг, а ужас. Весь сектор “компьютерной культуры” относится как раз сюда <...> Компьютеризация школы, кстати, на мой взгляд, вообще является преступлением. Да и дома компьютер должен быть только для взрослых <...> Дети и подростки должны быть полностью выключены из компьютерного поля. До тех пор, пока наша цивили-

зация морально не созреет для того, чтобы ее дети с пеленок понимали пагубность некоторых действий, а взрослые – аморализм наживы на детской незрелости <...> За наукообразными словами и выкладками о “неизбежном прогрессе”, “всеобщей компьютерной грамотности” и даже “переходе цивилизации в новое качество” не стоит ничего. Более того, наблюдаемое нарастающее моральное одичание масс, физическое вырождение новых поколений, пандемия хронических болезней, бытовой инфантилизм, “безрукость” подростков ясно опровергают эти “научные выкладки”⁴.

От себя скажу, что тесты, конечно, нужно использовать в процессе обучения, в частности по лингвистике, но как дополнительный, а не основной инструмент проверки знаний. Тесты пригодны для проверки механизма узнавания и исполнения, дрессированности на знания, а вовсе не на умение владеть ими. Доминирование данного средства уже давно осуждается как за рубежом, так и в России.

Чрезвычайно авторитетная «Литературная газета» на протяжении многих лет, пока в России в отдельных регионах апробировалось так называемое ЕГЭ – близкий аналог нашего белорусского тестирования, решительно выступала против этого зарубежного заимствования. И вот после всего двух лет *общероссийского* введения ЕГЭ система образования РФ все же возвращается к написанию сочинений.

Значит, выступления интеллигенции, пусть минимально, но действовали на чиновников. Напомню, что писали русские ученые о своей реформе образования. Один из крупнейших литературоведов-пушкинистов академик В. Непомнящий высказывался очень резко: «У нас в России произошла и происходит ментальная катастрофа. И она не сама происходит, она делается, она организуется. Реформа образования – преступление национального масштаба... Реформа образования хуже любого нашествия, хуже любого экономического кризиса. Если это будет продолжаться хотя бы 10–20 лет, мы превратим Россию в толпу тупо-грамотных потребителей, невежественных, но очень лихих прагматиков и талантливых бандитов, так как русский народ очень талантлив во всем. А единственная область, в которой останется свобода, – это свобода зла, свобода бандитизма...»⁵. Свой диагноз происходящему поставил доктор исторических наук директор Института русских исследований МГУ А. Фурсов: «Что реально скрывается за всем этим чиновно-рыночным треском? Превратили образование в рынок. Знание теперь товар, а обучение – всего лишь услуга, а потому подчиняется логике и законам рынка. Вот это и есть реформа, вся их “модернизация”, “оптимизация”, “инновация”. В реальности такое образование меняет суть университета, делает ненужным приобретение студентами навыков самостоятельного научного (рационального) мышления. Трансформировали университет в нечто вроде профтехучилища»⁶. Профессор С. Комков, председатель Всероссийского фонда образования заявляет: «Я расцениваю внедрение ЕГЭ как своего рода скрытую долгосрочную диверсию против национальной безопасности России. Сходную точку зрения фактически разделяют и такие авторитеты, как ректор МГУ В. А. Садовничий и президент Российской академии образования Н. Д. Никандров. Однако ЕГЭ внедряют несмотря ни на что, а с Интернетом это будет происходить или без – разница невелика»⁷.

Как видим, ведущие ученые России прямо говорят о «катастрофе», о «диверсии», а слово «деградация» по отношению к нынешнему населению РФ, и особенно к молодежи, звучит все чаще. Например, профессор, член-корреспондент Российской академии наук А. Запесоцкий пишет: «Практически все исследования моих коллег – социологов РАН, проводимые в последние годы, выявляют катастрофическую деградацию подрастающего поколения россиян – по всем параметрам, кроме компьютерной грамотности»⁸. И таких высказываний сотни.

2. В атмосфере недовольства реформой проведенной белорусским педагогическим сообществом мы вместо того, чтобы всесторонне проанализировать ситуацию, делаем следующий решительный шаг, идем на еще одну кардинальную реформу – введение четырехлетнего образования на многих факультетах университетов.

Кроме реальной пользы – удешевления образования в республиканском масштабе, очередная встряска имеет, как мне кажется, и определенные минусы. В частности, она означает то, что мы за четыре года *не успеем* полноценно образовать студента, выправить в его подготовке многочисленные ошибки и промахи базовой школы. Раньше за пять лет с трудом, но все же как-то успевали это делать.

Пять лет обучения в университете – совсем не случайная цифра, а проверенный буквально столетиями обучающий срок, обусловленный ритмом определенных процессов в мозгу молодого, овладевающего знаниями, человека. Даже в самой знаменитой античной школе Пифагора первичная ступень для его взрослых учеников составляла именно пять лет.

А уж наши, гуманитариев, рассуждения, что детей нужно не только знаниями наполнить, сделав их рассудочными роботами, но и приучить к душевным переживаниям, вообще вызывают полное недоумение у радикальных преобразователей: о чем это филологи лепечут, какие душевные переживания, какое развитие способностей, какое воспитание эмоциональной сферы, какое формирование личности?! В лучшем случае работники РИВШа принимают нас за прекрасодушных идеалистов. Они ведь нам о современных технологиях, об оптимизации, а мы им – о давно устаревших понятиях прошлого века. С точки зрения активных функционеров от образования, это диалог настоящих новаторов, стоящих на гребне прогресса, с явными ретроgrадами, боящимися всего нового. Но реально диалога никакого нет: уже давно профессура – подтанцовка у чиновников.

Напомню, что в начале XX в. русский гений Д. И. Менделеев ставил перед образованием задачу – постижение истины для блага человека, для его человеческого утверждения, т. е. для становления личности. О прагматических задачах у него – ни слова. Полноценное образование имеет цель прагматическую. Университеты в императорской России не готовили специалистов – для этого предназначались профильные институты. Университеты формировали думающих людей, интеллигентов с широким кругозором. Известнейший в России философ А. С. Панарин в книге «Правда железного занавеса» писал: «Парадокс культуры в том и состоит, что ко многим ее продуктам нельзя подходить утилитарно, как к средству, – их содержание раскрывается только в рамках принципиальной самоценности. Вопросы “для чего литература?”, “для чего музыка?” выдают профанов, чуждых высокой культуры и в принципе для нее опасных»⁹.

Потому я продолжаю настаивать, что и в сегодняшнюю техноэпоху нельзя все сводить к двумерному прагматизму. Ни одна цивилизация, ни одна независимая страна не живет категориями прагматизма, по крайней мере в его нынешней трактовке. В любой земной цивилизации всегда лежали и лежат сверхсмыслы, которые, к сожалению, оказываются недоступны прагматикам. Их сегодня большинство, но они находятся как бы в «горизонтальном контуре», где главным мериллом успеха является прибыль, рост объема собственности и доступных удовольствий. Это люди без воображения и «вертикального контура» в мышлении. Именно они привели к ужасающей экологической ситуации, вообще ко многим тупикам современной жизни.

В связи с этим вспоминается один из ректоров БГУ, вот именно замечательный прагматик, рационалист и настоящий в постсоветское время модный шоумен. Стремясь понравиться «продвинутой» молодежи, он спускался к орущим на площади студентам с вертолета (сколько это стоило университету!), въезжал на сцену актового зала на мотоцикле, приводил на новогодние банкеты козлов и пускал по полу змей, пугая нервных дам. Все это было, конечно, весело, оригинально, «прикольнo» и до сих пор с восторгом вспоминается некоторыми, даже и не совсем молодыми, преподавателями, что крайне удивляет. Ведь все это действия явного тусовщика, невежественного выскочки, каковых немало возникло в лихие 90-е, в сущности пошляка, не понимавшего, как должен вести себя руководитель высокого учебного учреждения. Впрочем, возможно, я ошибаюсь, и данный индивидуум был совсем не прост, вполне сознательно и целенаправленно выполняя задачу всеобщего упрощения – морали, образования, культуры. Потому и ликвидация многих важных учебных дисциплин также началась с него.

3. В подготовке рабочих стандартов четырехлетнего обучения переведенными в необязательный модуль (значит, по выбору студентов), скажем, у нас на филфаке БГУ, оказались многие дисциплины как раз ранее абсолютно обязательного филологического цикла, без которых невозможно вообразить себе специалиста-гуманитария: «Славянская мифология», «Фольклористика», «История белорусской критики». Правда, руководству филологического факультета БГУ удалось несколько расширить, по сравнению с предыдущим периодом, набор дисциплин в «вузовском компоненте». Например, введена история культуры страны изучаемого языка, что уже стало большим достижением. Однако истории культуры Беларуси почему-то не оказалось в рабочем плане среди дисциплин даже по выбору для студентов, обучающихся на отделениях иностранных языков, – и это при том, что для них-то как раз осталось пятилетнее обучение. О каком воспитании патриотизма можно говорить, когда огромное количество молодых людей представления не имеют о своей родине?! Я не преувеличиваю – именно не имеют представления: уровень невежества зашкаливает. Как же не взывать тут к чиновникам в сфере образования! Ведь такого равнодушия к собственной истории, культуре нет нигде в мире!

Я уже писала ранее, что в 1990-е гг. на всех факультетах БГУ читался очень нужный и очень любимый студентами предмет «Белорусоведение». По распоряжению

выше упомянутого «креативного» ректора БГУ, после своей отставки активно занявшегося политикой, дисциплина была упразднена. Оставленный кое-где куцый курс белорусской терминологии отнюдь не компенсирует потерю, поскольку студенты не видят смысла в изучении белорусского языка, когда это не подкрепляется воспитанием любви к нему, к своей родине.

К сожалению, в переводе некоторых дисциплин в разряд «по выбору» оказались задействованы и некоторые коллеги-филологи, проявившие, как мне кажется, недальновидность. Говоришь с ними на разных языках. Являясь классными специалистами в очень узком диапазоне, они, к сожалению, мало знают о параллельных дисциплинах, а значит, о тенденциях в развитии науки. Это специалисты постсоветского разлива. Например, мифология, по их мнению, изучение леших и русалок, потому, конечно, такой предмет лишний. Между тем дисциплина эта как раз очень сложная и, безусловно, важная, направленная прежде всего против современного воинственного язычества, мракобесия в красивой информационной упаковке. Ведь если молодой человек, овладевший данным учебным предметом, будет понимать законы мифологического мышления, он сможет противостоять многим современным массмедийным мифам, тоталитарным сектам, деструктивным организациям, телевизионному «зомбированию». Я отмечу лишь несколько аспектов, имеющих отношение к изучению мифологии.

- Главный интерес мифа – Бог и душа человека. Особенность мифа в том, что он стремится разгадать то, что невозможно разгадать до конца: Бога, космос, природу, рождение и смерть. И этим возбуждает любознательность у молодых людей. Разговор о мифе, о религиозном мышлении неизбежно выводит на рассуждение о судьбоносных для каждого человека категориях и в конце концов содействует формированию в сознании молодых людей фундаментальных философских, онтологических понятий.

- Миф содействует самоопределению этносов, формирует национальное сознание. Знание мифологии неизбежно обостряет национальное чувство. Не этого ли боятся некоторые мои коллеги?

- Фактически каждый из нас живет в системе определенных кодов, мифов, стандартов исторической действительности. Знание их помогает лучше приспособляться к реальности.

- Мифология отразила отношения человека и природы. Это сведенная воедино система наблюдений человека над природой, максимально обобщенный опыт, правда, приправленный значительной долей фантазии. Однако содержание фантазии тоже часть опыта, который требует изучения, если мы желаем постигать сами себя.

- Дисциплина «Славянская мифология» дает общую картину мира, стремится свести воедино многочисленные его составляющие и своим синкретизмом развивает мозг. Не говоря о том, что непосредственно – через архетипы и мифологемы – связана с психическими процессами.

- Дисциплина ярко демонстрирует, что мифология является основой культуры человечества: религии, науки, искусства и т. д.

- Учебный предмет является пропедевтическим для многих других: без него совершенно непонятна фольклористика, во многом история литературы, история культуры.

Вообще раньше, и эта традиция прослеживалась еще от императорских университетов, от советских филфаков, все дисциплины выстраивались в определенную систему, была строгая логика в их следовании одной за другой. Сейчас – полный хаос, специальные дисциплины ставятся там, где им осталось место, без всякого плана и разума. Из филологии выветрились ее классические основы.

4. Замечу, что перевод некоторых предметов в разряд как бы необязательных (ведь по выбору) – это одновременно и *полный подрыв филологической науки*, потому что раз образовательный компонент необязателен, значит, для данных дисциплин не нужно создавать типовые программы, писать для студентов пособия, монографии, статьи. Обязательными (мы их называем «священной коровой») стали предметы, по которым мы в научном и методическом плане ранее не работали, да и не могли работать. И студенты возмущаются: нужна ли им в таком объеме, скажем, экономика?

Все поставлено с ног на голову. Произошло то, что происходит везде в условиях рынка: разбили дисциплины на «чистые» и «нечистые», на исключительно важные (по ним – большое количество часов, обязательные экзамены) и менее важные, хотя и специальные (по выбору студентов, а откуда они знают, что выбрать, откуда у них представление о той или иной дисциплине?), по которым нет экзаменов и намного меньшее количество часов. На все наши претензии администрация разводит руками: сейчас до 50 % предметов, согласно Болонской системе, – по выбору самих студентов. А нас, практиков, спросили? Ранее на филфаке выбирались спецкурсы и спец-

семинары. И этого было достаточно. И это было правильно. Остальные предметы – базовые, именно университетские, академические, дающие фундаментальные знания.

Введены дисциплины, которые не являются филологическими, но востребованы на рынке: информатика, менеджмент и подобные. Они загружают память молодежи, но не создают понимания, не развивают сознания. Это отдельные профессии, их нужно преподавать соответственно и именно тем, кто выбрал такую карьеру в будущем. Или же преподавать факультативно, причем за плату. Да и читаются многие модные дисциплины далеко не на уровне требований высшей школы. Например, после прослушивания комплексного предмета «Психология и педагогика» (в принципе нужного) с невероятным по сравнению с нашими специальными дисциплинами количеством часов студенты даже не знают о человеческих психотипах. А между тем самое лучшее обучение психологии, причем без занудного теоретизирования, – чтение текстов по классической литературе с обязательным анализом характеров героев. Но именно на этот анализ времени на филфаке сегодня катастрофически не хватает.

5. Вообще все большее снижение количества часов на овладение специальными дисциплинами в условиях обязательного тестирования и загруженности модными «рыночными» предметами – очередное бюрократическое недоразумение. Кто конкретно и зачем принимает такие решения? Чем они продиктованы? Какая в них польза? Есть ли надежные данные о том, что этот подход уже привел к улучшению знаний, к повышению профессиональной квалификации? Ведь мы раньше готовили специалистов-гуманитариев самого широкого профиля: от педагогов до журналистов, от писателей до чиновников. И никогда на уровень их образованности нареканий не поступало.

В нынешней ситуации студенту тем более необходимо проводить больше времени в университете. В аудитории молодой человек, которого в школе не научили говорить, имеет хотя бы возможность слушать профессоров, многие из которых прекрасно владеют словом. На лекциях студент учится ораторскому мастерству, так важному в наше время, даже дресс-коду, вступает в ежедневные отношения с другими студентами, значит, социологизируется. Научится ли он контактировать с людьми, оставаясь наедине с машиной – компьютером? Кроме того, необходимо время для закрепления знания, для выработки определенных навыков, а это невозможно без непосредственного руководства со стороны преподавателя. Только накопительный принцип и творческая работа с текстом делают возможным воспитание настоящих специалистов-филологов.

6. Молодежь живет в условиях невероятного информационного шума. Какой только ненужной информацией не забиваются головы молодых из интернета, телевизора, бульварных газет. Задача преподавателя – в отборе и фильтрации информации, в создании именно *системы* знаний по той или иной дисциплине и структурализации их. Поэтому встает проблема поиска времени на эту работу.

Я пишу банальные вещи, но для того, чтобы напомнить давно забытое: в советское время на подготовку нового курса лекций преподавателю давалось в год 200 ч, столько же – на написание учебника. Сейчас нам отвечают: «Пожалуйста, – во вторую половину рабочего дня». Однако в эту вторую половину очень уж много всего набегает, так что не хватает не только рабочего времени, но и свободного, выходных дней, отпуска и даже ночей. Неудивительно, что профессура у нас в Беларуси страдает от многочисленных хронических заболеваний.

Помню, был период, лет пятнадцать назад, когда докторов наук прикрепили к так называемому Республиканскому клиническому медицинскому центру (в просторечии Лечкомиссии). Но скоро оттуда удалили: очень уж мы со своими многочисленными и тяжелыми болезнями изменили в худшую сторону статистику данного центра.

Зывание к нынешнему профсоюзному руководству БГУ как-то решить проблему с лечением преподавателей остается втуне. В таком случае стоило бы уменьшить учебную нагрузку. Ведь министерский чиновник даже не подозревает, сколько профессору приходится читать и писать. Особенно это касается филологов-литературоведов. Кроме обычной для каждого профессионала научной литературы, чужих статей, монографий, диссертаций, учебников, нуждающихся в экспертизе, нам нужно еще читать и художественные тексты, следить за новинками. А их выходит огромное количество. Разработчики стандартов, программ, норм часов (видимо, специалисты РИВШа) исходили из неких усредненных данных или данных природоведческих дисциплин. Никто собственно проблемы филологии не учитывал. Не проводились серьезные исследования, мониторинги. Мы не знаем, на основании каких научных, проверенных и подтвержденных знаний сделаны те или иные выводы, кардинально изменившие подход к гуманитарным факультетам.

7. *Бюрократизация* образования – первооснова многих проблем. А в условиях Болонской системы, куда нас силой все равно загонят, бюрократизация, безусловно, еще и увеличится.

Кто будет нести личную ответственность?

Тут в первую очередь неизбежно встает вопрос о *стратегии* образования в Беларуси. К сожалению, создается впечатление, что собственно о родной стране, ее будущем процветании, ее интеллектуализации мы думаем мало. Уже сейчас главные успехи, о которых постоянно вещаем, – международные связи, изучение иностранных языков, количество обучающихся иностранцев и подобное. Болонская система подразумевает встраивание в глобальный процесс. Недоумеваю, почему мы, имея когда-то лучшее образование в мире, обязательно должны подстраиваться под западные стандарты, а не они – под наши?

Да о наших хороших традициях и речи не идет: априори предполагается, что все лучшее – там. А где *аргументированные доказательства того, что там лучше?* Коллеги из Германии, из Грузии, где уже работает Болонья, как раз отзываются о ней критически. Да что скрывать? Категорически отвергают.

Великий русский математик и механик П. Л. Чебышев говорил: «Новое в преподавании полезно только тогда, когда на опыте проверено, что оно лучше старого». Наше старое было лучше! И потом: почему меня должна волновать будущая работа моих воспитанников на Западе? Я думаю прежде всего о своей родной стране. Зачем нас принуждают думать о чужих? Очередной нонсенс.

Далее о бюрократизации. Я помню советское время: ректор, три проректора, некоторая часть технического персонала, который знал свое место и не занимал, как сейчас, несколько огромных корпусов БГУ в то время, когда студентам катастрофически не хватало общежитий. Практически все проблемы учебного процесса решались на самих факультетах – на ученых советах. Сегодня советы факультетов – во многом фикция, ничего принципиально важного они не решают. Обращает на себя внимание и изменение их названия – устранение слова «ученые». Я это называю «лингвистической эрозией». Сначала уничтожается слово, затем и понятие. Ни к чему напоминать ученым, что они ученые. Они наемные работники по оказанию определенных услуг. Не элита, как раньше. Соответственное к ним и отношение в условиях рыночной экономики.

Чиновники (вернее, служащие), безусловно, нужны, но они призваны *помогать практикам* на производстве, ежедневно стоящим за кафедрой, – работа эта тяжелая.

Служащие должны руководствоваться рациональными доводами, принимать решения после всестороннего *изучения* проблемы. Если речь о людях, как в случае с образованием, то имеет смысл все же консультироваться с практиками и исходить из проблем конкретных факультетов.

Методология вычисления лекционных и всяких других часов не должна быть секретом. Кто и как решает, сколько должно быть часов на тот или иной вид работы? Как нормировались, когда и кем собирались и анализировались данные? Курсовая работа по литературе – совсем не то, что по биологии. Но если по биологии нужно время на лабораторные работы, то по литературе – на чтение художественных текстов и их скрупулезный содержательный и стилиевой анализ. Реально 7 ч для преподавателя в условиях, когда в школе детей не научили писать, – это либо только консультации с подбором источников, либо только неоднократное прочтение курсовой работы. А ведь мы делаем и то, и другое. Часы на фольклорную практику сокращены до безобразия. Чиновники не представляют, что значит вычитать огромный корпус чрезвычайно сложных фольклорных текстов с их базами данных, с дневником (всего не менее 100 страниц), – преподавателю нужно в пять раз больше времени, чем ему дано. На каком основании сокращено время на экзамен? Иногда чтобы поставить справедливую оценку, и часа на опрос не хватает. Кроме того, экзамен – возможность углубить понимание студентами материала. И я, и многие мои коллеги сами очень много говорим на экзаменах, превращая их в минилекции. В сущности, происходит сверхэксплуатация педагогов.

В отношении часов лекционных и практических занятий нам отвечает как будто логично, с гуманными чувствами к студентам: нужно уложиться в определенное количество аудиторных часов в неделю. Однако почему вдруг решили, что студентов нельзя обременять, загружать их время учебной работой? Само слово «студент» на латинском языке означает «усердно работающий». Всегда и всюду студенты работали чрезвычайно много, упорно. Это именно тяжелый труд. Он вырабатывает очень многие способности и полезные навыки. Боюсь, что в данном случае, под видом гуманности, мы имеем дело с некоторым лукавством. Студентам облегчается жизнь, высвобождается вторая половина дня – якобы для самостоятельной работы. На самом деле, практически все студенты не только старших, но даже младших курсов сегодня работают. И где только они не работают! Так что высвобождается, на самом деле, время для получения заработка, а вовсе не для самостоятельного овладения предметами. Другое дело, что им этот заработок действительно нужен – хотя бы для оплаты наемной квартиры.

Наука и образование должны руководствоваться только научными, проверенными и подтвержденными данными. Тут ничего не должно быть «с потолка», все должно быть аргументировано. Фантазии чиновников ведь заводят далеко. Например, в учебно-методический обиход в последнее время введены новые термины, которые просто неверны по смыслу: вместо «знаний, умений, навыков» – «компетенции», вместо «36 учебных часов» – «зачетная единица».

Большинство этих «новаций» – из России. Но чиновникам из РИВШа стоило бы знать, как резко общественность РФ выступает против подобного «творчества», и не навязывать нам очередные глупости от соседей. Вообще такая структура, как РИВШ, никогда ничем нам реально не помогла. Какие-то вымученные курсы... Разве что плата за издание книг здесь несколько меньше, чем в Издательском центре БГУ.

Необходимо выработать механизм обратной проверки на всех уровнях, который должен заключаться в требованиях от чиновников научности указов и распоряжений. Служащие в сфере образования обязаны владеть методологией, собирать данные у практиков, доказывать эффективность своих подходов, их значения на перспективу.

Когда летом 2013 г. российские ученые боролись против чудовищной реформы РАН, то лауреат Нобелевской премии Ж. И. Алфёров очень часто выступал в печати, постоянно повторяя: «Чиновники не должны вмешиваться в науку и образование».

Действительно, пока они озабочены, прежде всего, чисто внешними аспектами образования (оформлением бумажек), а мы – творческим аспектом, формированием способностей молодого человека. Фактор мощного воздействия *личности* преподавателя на студентов вообще функционерами не учитывается.

Уже сегодня, до полноценного вступления в Болонский процесс, требования бюрократии резко ограничивают свободу действий преподавателя. За фасадом модернизации образования происходит разрушение его научного ядра, причем в основном гуманитарного, связанного именно с человеческим фактором. Избран чрезвычайно лукавый метод, в корне подрывающий систему национального образования, – это *постоянное ежегодное принудительное его обновление, с отсечением от традиций, от национальных корней.*

Никогда раньше не было столько проверок со стороны чиновников, и никогда раньше они не были такими до абсурда мелочными.

Знают ли чиновники, что у нас, преподавателей, есть свои формы регистрации уровня знаний студентов, что каждый из нас выработал собственные методики, наиболее приспособленные к данному предмету?

Нам не нужны их бестолковые рекомендации, бесконечные таблицы, графики и бесчисленные придирки.

На чем основаны их требования? Кто их принимал? Кто несет личную ответственность за их принятие?

Никак проверяющие служащие в нашей работе не участвуют, ничем не помогают. Представляют ли чиновники, что мы имеем наилучших *контролеров* – собственных студентов, что весь процесс обучения – это фактически *производство* с очень жесткими на каждом этапе сроками? Не успел начаться семестр, как уже нужно проводить контрольные мероприятия, а там консультации по курсовым работам, очень скоро – и по дипломным, обзорные лекции перед государственными экзаменами, защита дипломных проектов, прием в магистратуру...

И все в чрезвычайно ограниченном диапазоне времени. Его диктует сам учебный процесс. Если срывов не бывает, то, значит, факультет работает нормально. А бесконечные проверки лишь нарушают рабочий ритм, нервируют студентов, преподавателей и факультетскую администрацию.

Пусть бы больше проверяли те сферы, от которых зависит наше здоровье и жизнь, хотя бы продовольственные магазины, где фальсификации и надувательство покупателей на каждом шагу.

8. Вновь возвращаюсь к белорусскому языку как к центральной для нас, гуманитариев, проблеме. Когда я поступала на филфак БГУ в 1966 г., нас на курс набрали 135 чел. при сумасшедшем конкурсе. Кстати, вышли с нашего курса многие замечательные писатели, педагоги, дипломаты, министры, редакторы, издательские работники.

Факультет считался тогда очень престижным. Возможно, потому, что в наибольшей степени сохранял прежний универсализм и классические традиции университетского образования, выработанные буквально на протяжении столетий.

Сегодня на белорусское отделение филфака БГУ установлена норма набора – 20 чел. на бюджетные места (а на платные к нам никто и не поступает, контингент слишком беден). Между тем филфак БГУ – центр не только республиканской, но и мировой белорусистики. Тут большее количество докторов наук, профессоров, чем

в НАН, больше мы и печатаемся, имеем более тесную связь с базовой школой, с другими гуманитарными институтами.

В 2011 г., когда и была установлена эта норма – 20 чел., на белорусскую филологию в Киевском университете было принято 19 чел. при наличии конкурса, а в Польше – 25 чел. Не позор ли для Беларуси?!

Нет, абсолютно никого не шокировало, не взволновало. Деградирует целая область культуры, ведь на факультете сосредоточено изучение не только белорусского языка и литературы, но и фольклора, этнографии – собран огромный массив фольклорных текстов, вызывающий интерес во всем мире. Но никто особо не заинтересован в его сохранности и обработке. Да и сама фольклористика не считается нужной наукой.

Кто виноват в малом наборе на самый, в сущности, важный для независимой республики факультет? Нет ответа...

Министерские чиновники на все наши запросы отвечают, как будто совершенно разумно: «Не идут на белорусское отделение абитуриенты». Да, не идут. А почему же такой огромный конкурс был в советское время и никто из выпускников не оставался без хорошей работы?

Между тем сегодня проблема решается очень просто: ввести белорусское сочинение или сдачу экзамена по белорусской литературе после окончания школы. И все. Кстати, решится вопрос и с чтением школьниками книг по-белорусски. Почему определенные структуры этого не хотят, почему на это не идут, что мешает? Мнение обывателей? Ведь нельзя же в независимом государстве все национальное оставлять на уровне сувенирности, показушности для туристов!

В этом вопросе, как и в любом другом, живем настоящим. Никто не ставит своей целью задуматься о будущем, позаботиться о сохранности того, что есть, я уж не говорю о приумножении. А ведь те или иные прогнозы сделать нетрудно, основываясь на тяжком, но очень поучительном опыте XX в. Но опыт-то как раз и не изучают, истории не знают не только молодые, но и многие взрослые. Тем более никто не утруждает себя мало-мальским анализом.

9. Еще одна проблема, думаю, злободневная для многих факультетов, – заочное обучение. Ясно, что отказываться от него нельзя. Но в сегодняшнем виде оно существовать не может. Не должно! Учатся на заочном отделении на год дольше, чем на стационаре. Но это не значит, что количество часов одинаково. Раньше было правило: 30 % на заочном от количества лекционных и практических занятий по той или иной дисциплине на стационаре, сегодня – 23–25 %. Снова ставлю вопрос: кем и на основании чего установлены эти цифры? Кто доказал их эффективность? Кто исследовал данную проблему? Можно ли выдавать заочникам такие же, как на стационаре, дипломы, если они не прослушали такие же по объему курсы? Эти дипломы – просто фикция!

Раньше проблема решалась намного большим количеством контрольных заданий для студентов-заочников, т. е. они работали самостоятельно и очень интенсивно, но под постоянным контролем преподавателей. Сегодня это сделать еще проще при наличии электронной почты. Дистанционную проверку знаний легко организовать. Да и стимулировать креативность самих преподавателей: именно на заочном обучении им предстоит придумывать такие задания и вопросы, ответы на которые невозможно было бы «скачать» из интернета. Кстати, по литературе это для нас несложно.

Студент-заочник прослушал 6–20 ч лекций по конкретной дисциплине, и он уже считается специалистом. Полная профанация образования и обман народа! Кроме того, страшная несправедливость по отношению к студентам стационара, которые работали в десятки раз больше, чем заочники, а дипломы у них одинаковые.

Но вновь все упирается в количество часов для преподавателя. Почему-то в любом вопросе это оказывается главной проблемой...

Таким образом, все должно быть аргументированно и научно. Стоило бы опираться на выявленную эффективность. Каждый чиновник, который предлагает или проводит какую-то новую идею, должен нести за нее персональную ответственность. А то пока что все новшества разрабатываются наобум и внедряются в приказном порядке без обсуждений и поправок и, конечно, без учета национального опыта, а ведь история образования в стране даже только в XX в. очень интересна и поучительна.

И пусть сбором полезных данных отечественного и мирового опыта для проведения обдуманных реформ займутся те, кто нас сегодня с таким азартом проверяет. Так и мы, и проверяющие сможем использовать время с большей пользой для всех.

Я не хотела бы предстать в роли обвинительницы, очень хорошо понимая сложное экономическое положение республики и искреннюю озабоченность чиновников, чтобы Беларусь не отстала от мировых образовательных процессов. Хороши ли они, плохи ли – главное не отстать. Я всего лишь ставлю вопрос об ответственности за все принимаемые решения. И еще призываю задуматься: а куда несемся мы вместе с осталь-

ным миром? Куда так упорно бежим, торопимся, меняем принципы в обучении, если мозг человека пока не изменился, а такой же, как во времена Платона и Аристотеля? Подключение к машине положительной динамики не показывает, как бы красиво мы это не называли. Так куда гонка? Мы стремимся в лучшее будущее, в рай? Вряд ли. Так, может быть, стоит хотя бы в своей республике на мгновение приостановиться, задуматься, оценить прошлые достижения, проанализировать весь накопленный опыт?..

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Кутырёва А. Торжествующее невежество! Идеология и образ жизни общества потребления // Отечественные записки. 2014. № 5. С. 12–13.
- ² Минералова И. Прогресс подлинный и мнимый // Лит. газета. 2014. № 6. С. 1.
- ³ Там же.
- ⁴ Верещагин О. Унылая пора? // Отечественные записки. 2014. № 3. С. 11.
- ⁵ Непомнящий В. Преступление национального масштаба // Москва. 2009. № 9. С. 104.
- ⁶ Фурсов А. Новое оружие сильных против слабых? // Москва. 2009. № 9. С. 107.
- ⁷ Комков С. Образы образования. Круглый стол в редакции газеты // Завтра. 2007. № 4. С. 3.
- ⁸ Запесоцкий А. Школа благословия // Лит. газета. 2014. № 7. С. 15.
- ⁹ Панарин А. С. Правда железного занавеса. М., 2006. С. 32.

Поступила в редакцию 05.03.2014.

УДК 316.624-159.923.2

В. ПЕТРОВ
(МОСКВА)

ПОТЕМКИ ДУШИ. ПСИХОЛОГИЯ СРЫВА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Рассматривается сущностная особенность современной цивилизации, где главным критерием оценки цивилизованности человека выступает его внешняя успешность. На основе анализа процессов современной действительности автор делает заключение, что нынешнему глобальному обществу, более чем какому-либо прежнему общественному устройству, необходима нивелировка людей по единым, уже мировым, стандартам. Но чем дальше мы движемся по ступеням рациональной цивилизации, тем тяжелее возникающие в связи с этим последствия, поскольку избыток упорядоченности – самый страшный враг подлинно человеческого в человеке. Это неизбежно приведет к нарастанию психических и физических болезней, наркомании, суицидов, разного рода фобий и комплексов и в конечном итоге может стать разрушающим фактором самой основы жизненной устойчивости человечества.

Ключевые слова: психология души; «потемки души»; психология срыва; внешняя успешность; современная цивилизация; нивелирование людей; цивилизованные нормы; избыток упорядоченности; оккупация внутреннего мира человека.

The essential feature of modern civilization is considered, where the main criterion for appraisal of human civilization stands outside his success. The author on the basis of analysis of the processes of contemporary reality concludes that the current global society, more than any social system still, need on leveling of people by unified, already a world standards. But the further we move up the steps of rational civilization, the harder arising from these effects, because an excess of order – the worst enemy of a truly human in man. This will inevitably lead to an increase in mental and physical illness, mental breakdowns (disorder), substance abuse, suicides. number of phobias and complexes and, ultimately, may be the most destructive factor in the basics of life stability of mankind.

Key words: psychology of the soul; «darkness of the soul»; psychology of breakdown; external success; modern civilization; leveling of people; civilized norms; the excess of order; the occupation of the inner world of man.

В США трагедии, подобные произошедшей в московской школе № 263, почти повседневное явление, и поэтому американцам уже легче переносить каждую из них. Мы же только вступаем по данному показателю на эту дорогу. В особенностях этого пути и нужно, видимо, искать разгадку случившегося.

* Литературная газета. 2014. № 7. С. 12.